

Ошибка цензора

**Четверть века назад
«Химия и жизнь» опубликовала
стихотворение Высоцкого**

Владимир Высоцкий всю жизнь мечтал опубликовать свои стихи. Бытует мнение, что его не печатали вовсе. На самом деле печатали, но гомеопатическими дозами и в малоизвестных изданиях. Лишь дважды (если не считать самиздатовского «Метрополя») Высоцкому довелось увидеть свои стихи в серьезных журналах. Первый раз — в 1975 году в альманахе «День поэзии». Второй и последний раз — ровно 25 лет назад, в августе 1978 года, в научно-популярном издании «Химия и жизнь».

Известия - 2003 - 16 авг. - с 3.

Мария РАЕВСКАЯ

«Химия и жизнь» всегда была не просто научным, но еще и очень популярным журналом. Почти столь же популярным, как созданный с ней в один год Театр на Таганке. Журнал и театр «дружили домами», актеры были частыми гостями в редакции, а журналисты не пропускали любимовских премьер. За кулисами театра и познакомились два Владимира — Высоцкий, ведущий актер Таганки, и Станко, заведующий отделом промышленности «Химии и жизни».

Именно ныне покойному Владимиру Станко принадлежала идея напечатать стихи Высоцкого в журнале. Он любил украшать свои материалы поэтическими цитатами и комментариями. Эпиграфом к статье «Мы и уголь», написанной в 1978 году, Станко взял строки Евтушенко, а завершать ее должна была песня Высоцкого «Черное золото».

Именно ныне покойному Владимиру Станко принадлежала идея напечатать стихи Высоцкого в журнале. Он любил украшать свои материалы поэтическими цитатами и комментариями. Эпиграфом к статье «Мы и уголь», написанной в 1978 году, Станко взял строки Евтушенко, а завершать ее должна была песня Высоцкого «Черное золото».

Журналист пришел в Театр на Таганке и, дождавшись перерыва между репетициями, поделился с поэтом своей затеей. Между ними состоялся разговор, который Владимир Станко воспроизвел в книге воспоминаний «То был мой театр»:

— Закончить публикацию хочу твоей песней (с пластинки) «Черное золото», напечатать ее как поэтический комментарий. Принесешь текст?

— Песня — не из лучших.

— Неважно. Важно создать прецедент.

— Зачем?

— Глядишь, еще какой-то журнал не убоится Высоцкого напечатать.

— Безнадежно это.

— Посмотрим...

На следующий день Станко снова пришел в театр. Высоцкий отдал ему принесенную рукопись «Черного золота». Поэт до последнего не верил, что его стихи пройдут цензуру. Убежденный в успехе журналист поспорил с ним на бутылку коньяка, что публикация состоится. В августе 1978 года журнал со стихами вышел, и стало ясно: Высоцкий проиграл пари.

В оглавлении того номера «Химии и жизни» фамилия Высоцкого не упомянута. Его стихи

составляют как бы одно целое с материалом Владимира Станко. Возможно, именно это обстоятельство позволило песне опального поэта преодолеть цензуру — проверяющие просто не заметили стихотворения, «припрятанного» на 31-й странице.

— Полагать, что цензоры читали все, что им ложилось на стол, наивно, — говорит Михаил Черненко, бывший в те годы заместителем главного редактора «Химии и жизни». — Вполне допускаю, что тот, кому предстояло проверять этот номер журнала, просто не стал дочитывать статью Станко и не обнаружил в конце стихотворение Высоцкого. Во всяком случае, я не помню, чтобы публикацию этой песни сопровождали какие-то возражения. Все обошлось гладко.

Песня «Черное золото» (варианты названия: «Шахтерский марш», «Гимн шахтеров») была написана за восемь лет до этой истории. Она предназначалась для мосфильмовской кинокартинны «Антрацит», но, как шутил Высоцкий, «почему-то там не оказалась». Поэт довольно быстро охладел к собственному детищу: он исполнял «Черное золото» на публике всего четыре года. Возможно, он был удручен относительным неуспехом этой песни у донбасских горняков — в августе 1970 года Высоцкий спел ее на концерте в Донецке, но аудитория отреагировала довольно вяло.

После смерти поэта о «Черном золоте» вспоминать не любили. Очевидно, из-за «производственной тематики» эта песня казалась чересчур «советской», «заказной» и Высоцкому не подходящей. Инерция забвения продолжается до сих пор. Преодолев инерцию:

Любой из нас —

ну чем не чародей?

Из преисподней наверх

уголь мечем.

Мы топливо отнимем у чертей,

Свои котлы топить им будет

нечем...

Да сами мы, как дьяволы,

в пыли,

Зато наш поезд

не уйдет порожний.

Терзаем чрево матушки-Земли,

Но на Земле теплее

и надежней!

Взорвано, уложено, сколото

Черное, надежное золото...